

И.С. Бреус

Обычноправовые нормы как элемент правовой культуры сельского населения

Правовая культура как исследовательская проблема на современном этапе вызывает определенный интерес не только у правоведов, но и у этнографов. Во многом это связано не только с развитием научных дисциплин, в центре которых лежат вопросы соотношения права и культуры как относительно самостоятельных сфер, но и с современной правовой ситуацией, когда активная законотворческая деятельность осложняется функционированием принимаемых законов. Несмотря на ведущийся по данному вопросу диалог юристов и этнологов, характерной является ситуация, когда обе науки исследуют эти проблемы, используя и различные методы, и во многом несходный понятийный аппарат. В основном это связано с многообразием определений даже таких основополагающих понятий, как право и культура, что в значительной степени обуславливает неоднозначность подходов и к рассмотрению правовой культуры.

При рассмотрении интересующей нас проблемы необходимо прежде всего определиться с понятиями правовой культуры и обычноправовых норм. Основная сложность заключается в том, что у исследователей нет единого мнения при определении данных понятий. Вслед за рядом авторов я понимаю под правовой культурой «разновидность общественной культуры, отражающей определенный тип справедливости, правосознания и законности»¹. Такое определение при деятельностном подходе, который рассматривает правовую культуру как процесс, характеризующийся «созданием и утверждением правовых ценностей в обществе»², открывает возможность обращения к обозначенной проблеме не только с позиции правоведения, но и используя методы и понятия этнологии. Это связано с тем, что, когда говорят об «определенном типе справедливости, правосознания и законности», речь идет не только о законодательной составляющей права. Так, к элементам правовой культуры относят и общекультурные факторы: уровень цивилизованности, национальные корни и истоки, историче-

скую память, обычаи и традиции³. Следовательно, мы имеем дело с расширительным толкованием правовой культуры, где один из составляющих элементов этого понятия – право – не сводится к понятию закона, а сама правовая культура не предстает как внешнее по отношению к праву явление. Такой подход предполагает видение права не только во взаимодействии с некой культурной средой, но и в качестве неотъемлемого элемента культуры⁴.

Ситуация с понятием обычного права представляется несколько более простой, поскольку вследствие междисциплинарных контактов можно говорить о более или менее схожих взглядах на это явление. Под обычным правом часто понимают «обычай, получивший общественную санкцию, то есть норму, о которой все знают. Причем эта норма должна быть характерна для какого-то сообщества, достаточно локального»⁵. Единственная оговорка заключается в том, что в данном случае речь идет именно об обыченправовых нормах, а не об обычном праве, поскольку, на мой взгляд, обычное право подразумевает определенную систему правовых норм, фактически с отраслевым делением, характерным для законодательства. Обыченправовые нормы являются лишь отдельными нормами, которые санкционируются обществом и используются им вопреки официальному праву или в качестве определенного механизма, дополняющего его.

Таким образом, традиционно этнологи в силу профессиональных интересов большое внимание уделяли исследованию обычаев, традиций, в том числе и правовых. Однако недостаточное внимание уделялось рассмотрению действующих законодательных норм. Правоведы, напротив, долгое время признавали обычное право только в качестве одного из источников права, показывая, что исторически сфера действия норм обычного права сужалась в пользу норм позитивного права. Такое положение вещей действительно имело место, и с развитием законотворческого процесса обычнправовая сфера неизбежно сужалась. Вместе с тем законодательные акты конца XIX–начала XX в. не только демонстрируют существование обычнправовых норм в отдельных сферах, но и своеобразное государственное поощрение этого путем санкционирования некоторых из них.

Материалы, собранные среди русских в ходе экспедиционных поездок по сельским районам Омской обл., показывают, что выделение обычноеправовых норм возможно и в XX в., и на современном этапе. Это касается прежде всего хозяйственной, имущественной сфер и сферы семейных отношений.

Так, для сферы брачно-семейных отношений характерной была норма, когда авторитет родителей был определяющим при заключении брака. Несколько зафиксированных в ходе экспедиций случаев демонстрируют не только наличие определенного влияния родителей на выбор брачного партнера, но и некоторое противоречие с действующими нормами законодательства. Это, в частности, выражалось в согласии родителей на брак своей несовершеннолетней дочери, в связи с чем официальная регистрация брака была невозможна⁶. В свою очередь, это затрагивает такие вопросы, как понятие законности брака и обязательные условия для вступления в него. Как видно из приведенного примера, законодательно оформленная норма, оговаривавшая достижение необходимого для вступления в брак возраста, не являлась определяющей. Гораздо более весомым для молодых было мнение родителей по поводу будущего брака. К тому же решающее значение имела не регистрация брака соответствующими государственными органами, а общественная санкция⁷.

Нормами традиционного права во многом определялись права и обязанности членов семьи. В соответствии с ними главенство в семье принадлежало старшему по возрасту мужчине. Он отвечал за распределение обязанностей среди мужской половины семьи, а старшая по возрасту женщина – среди женской. Благодаря посредничеству старших членов семьи разрешались возникающие конфликты.

Для имущественной сферы характерным для сельской местности в XX в. был и во многом остается и по сей день механизм наследования имущества. Согласно традиционному праву, еще при жизни завещателя им делаются устные распоряжения по поводу имеющегося имущества и возможных наследников. Случаи судебных разбирательств по вопросам наследования были достаточно редки в сельской местности

вплоть до конца XX в., что свидетельствует об определенной устойчивости такого механизма наследования.

Для хозяйственной сферы характерно существование норм, регулирующих вопросы землепользования. Это касается, например, сенокосных и лесных угодий. В настоящее время существует практика, когда сенокосные угодья фактически закреплены за определенными семьями. Такое стало возможным со времени разрушения колхозов, поскольку акционерные общества зачастую не в состоянии обработать весь земельный фонд. Однако, несмотря на наличие значительного массива свободных земель, жители того или иного населенного пункта соблюдают границы фактического владения во избежание возникновения конфликтных ситуаций⁸.

В отношении лесных угодий наблюдается нарушение норм законодательства, когда вырубка деревьев часто превышает разрешенную квоту. В данном случае, с одной стороны, имеется нарушение закона, а с другой, по свидетельству местных жителей, в их деятельности обязательно присутствует забота об окружающей среде. Информанты отмечают: «Главное не количество вырубленного, так как леса кругом достаточно, а то, как эта вырубка осуществляется. Мы ведь не на продажу, а для себя. Раз за столько лет не вырубили все, то и сейчас не вырубим – ведь знаем, как надо делать»⁹.

Существование этих и иных подобных норм демонстрирует наличие определенной правовой ниши, без учета которой рассмотрение правовой культуры невозможно. Определенным решением проблемы видится использование при исследовании правовой культуры методов юридической антропологии, которая «рассматривает обычное право не само по себе, она изучает правовое бытие людей, то есть их поведение в условиях регуляции жизни законами и обычаями»¹⁰. Таким образом, включение обычаеправовых норм в качестве одного из элементов при исследовании правовой культуры способно внести некоторые существенные дополнения к вопросу о причинах неприятия людьми тех или иных законодательных актов, об устойчивости традиционных правовых норм.

Примечания

¹ Головин А.Ю., Горячева Е.М. Правовая культура в России // Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития. М., 2003. С. 122.

² Там же. С. 122.

³ Право и культура. М., 2002. С. 94.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Новикова Н.И. Обычное право коренных народов Севера в системе российского законодательства: прошлое и настоящее // Обычай и закон: исследования по юридической антропологии. М., 2002. С. 177.

⁶ Одна из информантов так рассказывала о заключении брака: «Я своего будущего мужа не знала до того момента, пока он не пришел свататься. Родителям он показался подходящим для меня мужем, и они дали свое согласие на брак. И это несмотря на то, что мне еще и семнадцати не было» (раб. пос. Русская Поляна Русско-Полянского р-на Омской обл.).

⁷ Вот как определяли информанты роль общественной санкции в данном вопросе: «Главное, чтобы свадьба была, где соберутся родственники, друзья, соседи. Тогда и не скажет никто, что это не брак только потому, что печати в паспорте нет» (с. Усть-Тара Тарского р-на); «Брак только тогда брак, когда свадьба как у всех – со сватовством, с застольем, с гостями» (с. Нагорное Тарского р-на Омской обл.).

⁸ Один из информантов рассказал по поводу раздела сенокосных угодий: «Каждый в селе знает, где чей участок находится. Поэтому у нас и не случилось такого, чтобы кто-то выкосил чужой участок. Мы знаем даже, где начинаются земли соседней деревни, потому мы не можем даже случайно тронуть чей-то участок из соседских угодий» (с. Нагорное Тарского р-на Омской обл.).

⁹ С. Усть-Тара Тарского р-на Омской обл.

¹⁰ Новикова Н.И. Указ. соч. С. 176.